

- - [Знамение времени. Носитель идеала](#)
      - [I. Знамение времени1](#)
      - [II. Носитель идеала](#)
  - [Примечания](#)
    - [1](#)
-
-

Введение

(Из сборника Московских Ведомостей «Памяти Императора Александра III»)
Содержание

Знамение времени. Носитель идеала

I. Знамение времени¹

Глубокий кризис, который сто лет тому назад переживала Европа, нагляднее всего сказался в крушении монархии. Европа выросла на монархическом принципе. Имена ее великих королей и императоров неразрывно связаны со всеми центрами ее культуры, со всеми усовершенствованиями общественной жизни, со всеми даже отклонениями народов с пути правильного развития, со всею жизнью их, в счастье и горе.

Отречение от монархического принципа было отречением от истории. Произошло ли оно без вины представителей покидаемого принципа? Этого никогда не бывает. Но как бы то ни было, отречение проявилось в таких резких формах, так решительно, казалось, как этого еще и не бывало в истории борьбы сменяющихся основных форм власти. Демократия, со знаменем народа, который был сплочен только королевскою властью, начала новую эру убийством мученика, не имевшего иной вины, кроме своего священного сана и столетий, связывавших судьбы рода его с судьбами нации. Демократический фанатизм гласно заявил на царубийственном «суде», что для приговора по такому обвинению не нужно ничего, кроме «констатирования личности».

Далее некуда идти в разрыве. Это не разрыв, не отречение, это заявление несовместимости существования. И народы, казалось, приняли приговор, произнесенный передовой интеллигенцией над освященными веками принципом.

С беспримерным ожесточением новая эра топила последние следы ниспроверженного величия в реках народной крови и наложила печать свою на целое столетие.

И вот, наконец, мир преобразован на новых началах. По всем странам Европы монархический принцип или вырван с корнем, или доведен до состояния бледной, бессильной тени. Везде народная воля составляет верховный закон, везде судьбами народов руководят выборные представители нации, везде государственные люди создаются тем путем, который по теории должен отдать судьбы нации в руки «цвета населения».

Все это сделано уже, упрочено, вошло в привычную колею, когда традиция охраняет даже и плохой порядок. Лишь далеко, на границах Азии, удержался «полуварварский» народ, не примкнувший без оглядки к течению века и сохранивший верность своим извечным самодержавным государям. Снисходительно относясь к его «отсталости», просвещенная Европа, конечно, не допускала и мысли о том, чтоб ее «усовершенствованный» строй охранял свободу и безопасность народов менее прочно, чем эти «остатки», как казалось ей, «средневекового абсолютизма».

Но вот происходить нечто неожиданное, чего нельзя было и представить себе всего лет 20 тому назад. Европа охвачена страхом за будущее, она молится в своих храмах, она единодушно обращает свои взгляды на Восток... Что же случилось? Не идут ли с варварского Востока орды диких казаков, грозящих нарушить мирное существование просвещенных стран?

Нет. Не до набегов на цветущие поля Европы этому Востоку, который погружен в свое тяжкое горе. С быстротой, неведомою прошлому, наши телеграфы, телефоны, железные дороги, отряды репортеров и миллионы газетных листков — нарисовали пред глазами народов картину, наполнившую сердца страхом и сожалением.

Там, на крайнем Юге далекой России, под голубым небом Ливадии, облитой золотыми лучами нехлдеющего солнца, на берегу задумчиво плещущего моря, то страшного в своей грозе, как справедливый гнев Царя, то чарующего кротостью, как Царская милость, — в этом цветущем уголке, достойном царственного отдыха, европейский мир увидел Державного

Страдальца, борющегося с мучительным недугом. Задумчивы лица светил медицинской науки, окружающих Царственный одр; кругом слышатся уже сдержанные рыдания. Могучи силы, которым вверена была тяжесть Самодержавного бремени, но страшна и безжалостна болезнь. И вот невольный трепет охватил сердца народов.

Они боятся не Царя, вставшего во всей силе и крепости, посреди восторженных кликов стомиллионного верного народа. Они приходят в страх при мысли: что станется с ними без Царя?

Глубокий смысл представляет взрыв симпатий и страха, неудержимо охвативших Европу в эту роковую минуту.

Без сомнения, чистая и высокая личность недугующего Самодержца не могла не вызывать симпатий. Но откуда страх за будущее? Что же делают, однако, «усовершенствованный» формы правления, народные представители, «ответственные» министры и весь прочей аппарат политического прогресса? Или все это не успокаивает народы, не вселяет в них уверенности в спокойное будущее? Народы хотят мира. Но ведь у них, как слышно, всем правит «народная воля». Если они хотят мира, то кто же бросит их в раздоры войны?

На эти вопросы еще немногие ответят сознательно.

Но всенародное чувство Европы, в котором так слились страх за будущее, очевидная любовь и трогательное доверие к Самодержавному Хранителю мира, само составляет ответ, в смысле которого нет сомнений. Глазомер народов, очевидно, уже начинает различать обман теории, которая под фальшивым видом господства «народной воли» осуждает желания народов на самую жалкую роль в их политической жизни. Народы начинают чувствовать, что их провели так же, как монархов. Теория, которая создала королей «царствующих», но не управляющих, поработила и нации, дав им такую же фиктивную, на словах царствующую, на деле попираемую «народную волю». Много разочарований вынесли европейские народы за столетний опыт конституций и республик и уже смутно чувствуют, что во всей этой трагикомедии всемирной истории выиграла только политиканствующая интеллигенция, разъединившая вековые связи монархов и народов. Этот опыт так поучителен что, казалось, уж не раз, если бы только народы Европы увидели перед собою настоящего монарха, который умел бы им напомнить величие монархического идеала, — они бы давно, может быть, бросили под ноги его всех своих бунтовщиков и изменников. Но десятилетия шли за десятилетиями, и не являлся для воскресения народного чувства ни Карл Великий, ни Фридрих Барбаросса. И откуда было им явиться? Силен дух времени, глубоко проникла власть новых повелителей «свободных» народов. Они и правят, и делают общественное мнение, и историю пишут и заставляют детей народа заучивать в школах все свои выдумки и клеветы на павший строй. Они своим нравственным давлением подрывают веру в монархию даже в детях королевских родов, в зародыше подрывая всякую возможность ниспровержения своего господства. Они манят народы обманчивыми перспективами, увлекают их все далее к таким опытам, в которых ставится на карту вся достигнутая культура, лишь бы только народы не вспомнили того прошлого, когда природными монархи твердо руководили их судьбами.

Так шли десятилетия, прошло столетие.

И вот, на холодном севере, в годину ужаса и скорби, впервые явился пред Европой Тот, Кого провожают ныне в могилу эти слезы, эти всемирные благословения. Нечего напоминать, знаем мы, знает и Европа, как встретили Его тогда все, кому страшно воскресение монархического принципа. Все помнят, как старались эти паразиты политической смуты оклеветать и обессилить Его. Не было еще монарха, против которого враги пустили бы сразу столько низких средств оклеветания. Они как будто чувствовали, Кто является в мире. Но он пошел своим путем, как настоящий Самодержец, с неколебимою верой в свой священный принцип, с

безусловною покорностью воле Вождей, с сознанием, что Божией милостью, а не человеческою волей Он царствуете, и что власть Его, Богом данная, Богу только принадлежит и никем не может быть ни связана, ни ограничена.

И вот мир, уже было позабывший величайшие страницы своей истории, с изумлением увидел, что может сделать Самодержец, как исчезают пред лицом его все призраки, сглаживаются все препятствия, умиротворяются всякая смута и раздор. Мир увидел, как легко и свободно живет народ за крепкою рукой Царя, верующего в свое Божественное избрание. В немного лет это почувствовалось даже далеко за пределами Его непосредственной власти. И что же? Бессознательно для чужих народов в душе их заговорило старое сознание единства народа и Монарха, вспомнилось то монархическое чувство, с которым Европа создала «святые чудеса» своей былой истории! Европа, казалось, отрекшаяся от монархического принципа, должна была только увидеть настоящего Самодержца, даже чужого, чтобы почувствовать доверие не к своим «ответственными» министрам, не к своим «представителям», не к своей «народной воле», а к воле Его, никем, кроме Бога, не избранного, ни пред кем, кроме Бога, не ответственного.

Немного лет прошло. Можно ли считать десяток лет свободной царственной работы? Можно ли считать 5—6 лет, данных Европе, чтобы понять, наконец, Кто пришел в мир? Этим немногим лет было достаточно, чтобы все народы привыкли уже возлагать свои надежды на Него. Царь все уладит. Царь не допустит до беды. Вот настроение, в котором Европа чуть ли не первый раз за 100 лет ощутила себя спокойною, выше страха угрожающих ей бедствий и смут. Взвешивая все, доносившееся из Европы при вести о тяжкой болезни Хранителя мира, узнаешь тот старый крик горести, который когда-то вырывался из сердца после Карла Великого. «Кто же будет теперь управлять миром?» спрашивали себя тогда в горестном недоумении. Это чувство сопровождало собою все великое в европейской истории. «Кто же будет управлять миром?» спрашивали себя померанский крестьянин при вести о кончине Фридриха Великого. Тогда уже наступали времена отречения, и вопрос крестьянина казался «наивными». Теперь в том же вопросе слились чувства современной Европы, уже не наивной, а пережившей столетие конституции и республики. Кто будет управлять миром, кто даст ему устойчивость, сдержит борьбу честолюбий, охранит народы от опасных увлечений? Так спрашивают себя в Европе и слышат тревожно в свои забытые храмы, вновь заучивая полузабытые молитвы Тому, в чьих руках судьбы земных царей.

От вековых ошибок рассудок не отказывается сразу. Но то, что перечувствовано Европой при вести о болезни единственного Самодержца в Мире, — уже есть факт истории. Это великое знамение времени. Этот момент непосредственного ощущения того, что значить для народов настоящий Монарх, уже не забудется, и рано или поздно найдет свою сознательную формулировку. Величавый образ Самодержца врезан в историю. Не забудут его ни народы, увидавшие где свет, ни, вероятно, и сами европейские монархи, получающие ныне из России такое великое поучение. Его будут вспоминать тем чаще, чем глубже станут погрязать в трясину социальных смут. Он дал народами и монархами целое откровение, целое указание пути, который еще не закрыт пред современным культурным миром.

II. Носитель идеала

В царствование Александра III, России и всему современному миру дано было пережить исторический момент, всю важность которого многие еще и не сознают. Император Александр III не был только выразителем идеи. Он был истинный подвижник, носитель идеала. Тяжкий крест всегда бывает уделом таких людей, являющихся лишь в минуты, когда ослабевающее человечество нуждается в особой помощи Провидения. Их миссия — не просто сказать то чего уже не могут понять люди, но показать, воплотить в своей личности то, что люди еще способны почувствовать, и этим путем возродить их способность понять утраченную истину.

Такие носители идеала редки в истории, но, появляясь в мире, они становятся путеводным маяком на целые века.

Никто не понял Императора, когда Он явился. Теперь, по кончине Его, можно лишь с грустью о ничтожестве человеческого вспоминать, как Его встретили, как тогда судили о Нем. С тупым упорством непонимания встречают каждого носителя идеала, но Он своими деяниями и обаянием своей личности принудил признать Себя. Он начал свое служение с работы над самим собой и выдержал самый тяжкий иску: победил в Себе все, что могло бы мешать Его исторической миссии. Пришлось затем признать в Нем неутомимое трудолюбие, мужество, хладнокровие, независимость. Пришлось признать в Нем мудрого правителя. Все трудности, какие можно представить, становились на Его царственном пути, как будто нарочно для того чтобы со всех сторон осветить Его. Смута, измена, расстройство государственной казны, голод, мор, опасности казалось неминуемой войны, — все одно за другими попеременно вставало пред Ним. Все побеждал Он, все умиротворил, благоустроил, нашел средства борьбы и с голодом, и с эпидемией, не допустил войны и сделал из тринадцати лет Своего царствования эпоху неслыханного благоденствия, тишины, довольства и славы.

В последние годы своей недолгой жизни Он уже победил все и всех. Весь мир признал Его величайшим Монархом своего времени. Все народы с доверием смотрели на гегемонию, которая столь очевидно принадлежала Ему по праву, что не возбуждала ни в ком даже зависти.

В этом величавом образе, который столь неожиданно вырос перед миром, Россия почувствовала нечто идеальное и вместе родное, близкое сердцу. На Него смотрели с любовью, и все, что замечали в Нем, было так светло, так отрадно. Как Супруг, как Отец, как Патриарх своего Царственного рода, во всем являлся Он высоким примером. Его твердость была такова, что исчезала даже мысль о сопротивлении Ему. Но и доброта Его стала славною по всему миру. Прощение личных обид доходило у Него до такой христианской высоты, которая была бы удивительна даже у подвижника, спасающегося в пустыне. Его правдивость поражала в наш изолгавшийся век. Никогда еще, даже и при таком царе-работнике, как Петр Великий, не слышали мы о столь самоотверженном истощении всех сил Царя на государственное служение. Почти четырнадцать лет Он посвящал сну не более четырех часов в сутки. Его хладнокровное пренебрежение опасностей не раз приводило в страх окружающих. «Пока я нужен России, до тех пор не умру», говорить Он с глубокою верой в Промысл Божий. Жиль Он — для России. Он весь был в Своем долге.

И среди этих великих трудов Он не был ни суров, ни мрачен. В редкие минуты отдыха Он любил добродушно пошутить, посмеяться добрым смехом. Не по вкусу Его были шумные забавы. Он отдыхал тихими радостями семейной жизни. Его обожали дети, толпой окружавшие Его во Фреденсборге, не знавшие высшей радости как веселая игра вокруг «Дяди Саши». Так называла Его молодая толпа разноплеменных отраслей родственных королевских домов. Все

было в Нем так царственно-величаво и так человечески-прекрасно, чисто и симпатично, что все сердца привязывались к Нему любовью детей к Отцу, никогда не теряя чувства почтительного страха.

Это были счастливые годы России, но чтобы поняли люди Избранника Божия, предстояло еще тяжкое испытание, подвиг смерти, раскрывающей смысл жизни.

И вот сразу, неожиданно, нестерпимо больно оборвались годы счастья. Не Богатырь, ломающий подковы, явился уже пред взорами, а человек больной, ежедневно слабеющий, едвадвигающийся. Смерть подходила к Нему шаг за шагом. И тут только поняли мы, как дорог Он нам, тут только сознали, что живем Им. Чувствовалось, как будто солнце потухает в мире. Быть может, никогда еще ни о ком так не молилась Россия, - и слышалось во всенародной молитве прошение, что уж если нужно наказать нас, то пусть лучше Бог пошлет всякие другие бедствия, только не это. В эти томительные дни созналось в сердце русском все Им созданное.

А Царственный Страдалец тихо догорал, прикованный к ложу смерти. Но в Его слабеющем теле все ярче сияло величие Его бессмертного духа. Он умирал бестрепетно, без жалобы, все время думая лишь о близких сердцу и о Своем Царском служении. А когда останавливался Он мысль на Себя, это была мысль о душе Своей и о Боге, пред Которым Он готовился предстать. До неузнаваемости истощенный, с больными, отекающими ногами, Он подымался на молитву, Он преклонял колени и молился так пламенно, как молятся пустынные подвижники, со слезами сердечного умиления, с верой, доступною лишь такому чистому сердцу.

Воистину, Благочестивейший Государь умирал пред нами кончиной праведника, без страха или уныния. Он сам объявил, что чувствует приближение смерти. Этот день, 20 октября, был единственным днем царствования, когда Государь уже не работал для страны Своей. Еще накануне Он давал Свои решения на вопросы правления, и на бумагах 19 октября потомство увидит сделанные Его рукой пометки: «Читали.» 20-го числа Государь объявил о предстоящей кончине Своей. Он успокаивал Свою плачущую Супругу: «Будь покойна. Я совершенно спокоен», говорили Он. Немногими посылается такая кончина. Никакие предсмертные ужасы не смущали Его. Еще раз Государь приобщился Св. Таин. Он помолился с отцом Иоанном. Со всеми простился Он, никого не позабыл. Медленно надвигалась торжественная минута, и Государь, все время в ясности сознания, уже созерцал оба мира, на рубеже которых находился. Вот оживился слабеющий взор, забилося ослабевшее сердце... Что увидел Он пред собой? Только вера открывает нами тайну последнего вздоха, и верует православная Русь, что светлые ангелы вознесли чистую душу к Престолу Божию.

Не стало нашего Государя. И тут как бы пелена спала с глаз, и во весь рост явился пред нами величаво-пленительный образ Носителя идеала, созревший для бессмертия.

Как в картине великого художника, чем более всматриваешься, тем более поучаешься, так и в Нем еще много лет и много умов будут открывать все новые поучения. Но и теперь уже мы с ясностью видим нечто Им освещенное.

Предоставим Монархам изучать в Нем то, что особенно важно в их служении. Обратим внимание на то, что особенно важно понять народам, которые также должны способствовать деяниям монархов своих.

В каком состоянии умов застал мир Александр III?

Все движение умов современности, весь ход политической жизни привели европейский мир, и все находящееся под влиянием его, к полному падению идеи монархии. Только в самодержавии эта идея доразвивается до своей полной высоты, но превратности исторических судеб направили европейскую монархию на дорогу «абсолютизма». Два великих человека положили начало христианскому государству: Константин и Карл Великий. Но история задушила создание одного и исказила создание другого. Нашему времени суждено было увидеть

третьего Государя, объясняющего миру идею двух первых.

«Какой тяжкий крест жизнь моя», говорит в легенде Карл Великий, находясь на вершине власти и славы. Эта идея христианского «подвига» монарха все более падала и заменялась идеей простого абсолютизма, то есть сосредоточения власти, и, еще хуже — поглощения государем государства, выразившегося в прискорбно-ложной формуле: «L'Etat c'est moi.» Вместо «подвига», вместо «креста», является le bon plaisir короля. Это искажение монархического идеала, данного христианством, должно было повести монархию к неизбежному падению.

Падение идеи было столь полно, что даже забылся смысл ее, забылось ее значение как вечного принципа. Монархия стала рассматриваться как форма правления, свойственная лишь одному периоду развития нации. Даже те, кто любовались красотой этого принципа в прошлом, не могли отделаться от ложного убеждения, будто это уже не для нас, будто это нечто уже «пережитое» и к современным условиям неприменимое. Это ложное убеждение стало распространяться даже и у нас. Оно придавало особый оттенок всему политическому творчеству так называемого «реформенного» периода, когда, начиная делать безусловно необходимое, мы портили свое дело, постоянно подгоняя его к предполагаемому в будущем ограничению Самодержавия и подготовке народа к предполагаемому в будущем народовластию. Убеждение в том, что идея монархии есть нечто «пережитое», еще больнее было видеть у самих монархистов, которые при Императоре Николае Павловиче боялись допускать всякое сравнение своего принципа с чужим. И в наши дни, сколько проницательных умов, любя монархический принцип, не могут представить его себе вне непременно «древней», средневековой, обстановки и через это портят свой светлый идеал будущего стремлениями к невозможному возврату назад.

Нужно было появление великого человека, чтобы показать истинный смысл вечного принципа. Это сделал наш незабвенный Государь. Он показал всему миру, что и теперь, безо всякого возвращения назад, безо всякой «реакции», без какого бы то ни было нарушения «современных» потребностей, — так же как и в старину, возможен Самодержец, что и ныне, как всегда, представляет он высшую форму власти, наиболее мудрой, наиболее благодетельной и наиболее понятной для сердца христианских народов.

Мы должны понять всю цену этого указания. Александр III не только дал тринадцать лет благоденствия своему народу. Он указал не только то, что мы имеем наивысшую форму Верховной Власти. Он дал понять нечто несравненно большее, и не одним нам, а всему миру.

Дело в том, что забвение смысла монархии делает ее невозможной для мятущихся народов Европы. А невозможность ее именно ныне, именно в современных условиях, прямо угрожает разложением наций и падением европейской культуры.

Действительно, если невозможна монархия, если невозможна власть высшая, стоящая вне и выше власти народной, то становится неизбежным стремление к такому устройству обществ, при котором было бы возможно народоправление. К этому и направляются повсеместно все усилия.

Но народ, нация, по природным условиям, не есть нечто однообразное. Это — сложное целое, составленное из различных слоев, из множества групп. Все они необходимы, все это разнообразие и расслоение неизбежны и необходимы для жизни, и чем выше культура, тем резче и замкнутее они становятся, теми более способны они вступать между собой в борьбу. Но и жить порознь они не могут. Им необходимо национальное объединение в чем либо едином, ни с чем не враждующем, ко всем интересам одинаково внимательном.

Народоправление пробует объединить страну в парламентах. Попытка жалкая, быстро терпящая крушение. Вместо единения, она перенесла в сосредоточие власти всю вражду, всю борьбу, какая только есть в нации, и чем лучше осуществляется идея представительства, тем более позорные рыночные сцены переносятся в центр власти; чем более интересов представлено

в парламенте, тем более разъединения является в самой власти, смысл которой только в объединении.

Если для падения идеи монархии на Западе потребовались века, то для падения идеи представительства достаточно было нескольких десятилетий. Все пробы были сделаны. Единства нет. И вот совершенно неизбежно явилась в мир мысль уничтожить в самой нации ту сложность состава, которая дает жалкие и позорные сцены парламентского бессилия. Идея всеуравнения охватывает весь Запад. Все должно быть одинаково. Так гласила сначала либеральная демократия, которая неизбежно должна была перейти в демократию социальную. Все должно стать равным, одинаковым, без различий...

Да, тогда, конечно, наступило бы единство. Но тогда наступит также и культурная смерть. Опасность эта уже сознается. Но Запад не видит никакого другого пути и с лихорадочною поспешностью торопится весь свой «прогресс», все свои реформы направить туда, где ждет их последний конец.

Вот среди какой прискорбной работы самоуничтожения увидел мир перед собою Александра III, а с Ним — и смысл осуществленного Им идеала.

Сколько недоразумений падает при одном взгляде на это великое царствование! Как много забытых истин оно открывает. Монархия — не диктатура, не простой «абсолютизм». Диктатура есть единоличное исполнение назревшей народной воли, абсолютизм есть ее отрицание. Монархия — в своем Самодержавном идеале — может иногда сделать то, что делает диктатура, может, если нужно, выступить и с отвержением народной воли. Но сама по себе, она стоит выше, чем какая бы то ни было народная воля. Монархия есть идея подчинения интересов и желаний высшей правде.

В монархии нация ищет освящения всех проявлений своей сложной жизни подчинением правде. Для этого нужна единоличная власть, потому что только личность имеет совесть, только личность несет ответ перед Богом. Нужна власть неограниченная, ибо всякое ограничение власти Царя людьми освобождало бы Его от ответа перед совестью и перед Богом. Окружаемый ограничениями, Он уже подчинялся бы не правде, а тем или иным интересам, той или иной земной силе.

Однако, неограниченность и единоличность решения есть не существо монархии, а лишь необходимое условие для того, чтобы все социальные интересы, всю их вражду и борьбу приводить к соглашению пред одинаковой над всеми властью правды.

Вот почему Носитель идеала и пришел в мир по высказанному в последние дни всем миром убеждению, как Царь правды и мира. Он должен был быть именно таков, ибо сущность монархии и состоит в примиряющей силе высшей правды.

Не ломает монарх социального строя жизни, не уничтожает он никаких различий, создаваемых ее разнообразием, не упраздняет ни великого, ни малого, но все направляет так, чтобы развитие всех слоев, всех групп, всех учреждений ни в чем не нарушало правды. И этим он дает нации то единство, которого тщетно искали в «представительстве», а ныне безумно решаются достигнуть в самоубийственной уравнительности.

Не уничтожает монарх никакой самостоятельности, никакого совета, никакой работы мысли народной, не отрицает он и народной воли, когда она существует. Он выше всего этого. Он дан не для уничтожения всего этого, но для направления. Для него нет ни мудрого, ни глупого, ни сильного, ни бессильного, ни большинства, ни меньшинства. Для него есть только совесть и правда. Он должен все видеть, но поддержит только то, в чем правда.

Император Александр III показал, что монархия, в этом истинном существе своем, не есть что-либо переходное, пережитое, совместимое только с одним каким-либо фазисом развития культуры, но есть принцип вечный, всегда возможный, всегда необходимый, высший из всех

политических принципов. Если этот принцип становится когда-либо для какой-либо нации невозможен, то не по состоянию ее культуры, а только по нравственному падению самой нации. Там где люди хотят жить по правде, им необходимо самодержавие, и оно возможно всегда, при всякой степени культуры.

Будучи властью правды, монархия невозможна без религии. Вне религии единоличная власть дает только диктатуру или абсолютизму, но не монархию. Только как орудие воли Божьей самодержец имеет свою единоличную и неограниченную власть. Не для народа только нужна религия в монархии. Народ должен верить в Бога, чтобы желать подчинить себя правде; но гораздо еще больше нужна эта вера для самодержца, который в деле власти государственной есть посредник между Богом и людьми. Не ограничен ни в чем самодержец человеческою властью или народною волей, но он не имеет и своей воли, своего желания. Только голос правды Божией слушает он в совести своей. Его самодержавие не есть привилегия, не есть простое «сосредоточение» человеческой власти, а есть тяжкий подвиг, великое служение, верх человеческого самоотвержения, «крест», а не наслаждение. Посему-то монархия получает свой полный смысл только в наследственности. Еще и нет будущего самодержца, еще не имеет он своей воли, своего желания выбирать между долей царя или пахаря, а уже предназначено ему отречься от себя и возложить на себя крест власти. Не по желанию, не по призванию способностей своих, а по Божью назначению ставится он на служение свое. И не должен он спрашивать себя, есть ли у него силы, а должен только верить, что если Бог избрал, то нет уже места человеческому колебанию.

Вот в каком величии подчинения воле Божией дается освящение нашей политической жизни в идеале монархии.

В те эпохи, когда жив и всеобщ этот идеал, не нужно быть великим человеком для достойного прохождения самодержавного поприща. Не все воины — герои, но в хорошо устроенной армии даже и обыкновенный человек находит силы геройски побеждать и геройски умирать. Так и во всем остальном. Но когда наступает эпоха деморализации, забвения идеала, — только великий избранник может воскрешать его в сердцах людских. Ему негде учиться, ибо все, что есть кругом, не помогает ему, а только мешает. Все он должен почерпнуть только в себе самом, и не в той лишь мере, какая необходима для исполнения долга, а в той, какая нужна, чтобы просветить все окружающее. Действительно, какая была бы помощь миру, если бы служение Александра III ограничилось лишь дарованием России тринадцати лет благоденствия? Он умер, и если бы мы Его не поняли, то какую пользу принесло бы нам прошлое благоденствие? Носитель идеала посылается не для того, чтобы мы пользовались благоденствием, оставаясь недостойными его, а для того чтобы возбудить в нас стремление быть достойными идеала.

Вот почему Наш возлюбленный Монарх, так рано отнятый у мира, явился одаренный всеми дарами Царственной благодати, во всем величии Своего обаятельного образа. Вот почему Он был так праведен, был таким примерным сыном Церкви, таким идеально-чистым человеком. Он был дан миру таким, чтобы мы, увидя Его, уже никогда более не забыли Его...

Смерть есть минута уничтожения всякого земного величия. Но для Носителя идеала это момент рождения, последний удар резца, создающего для нас бессмертный образ. Пока живет он, мы все еще не понимаем, все еще сомневаемся. Но вот дорисовываются последние черты. Спадает с наших глаз застилающая их чешуя. Ярко, ослепительно вырисовывается идеальный образ, но не успеем еще мы и вскрикнуть от восторга, а Его Самого уже нет. Раскрылся весь — и ушел туда где живет

... в вечных идеалах

То, что смертным в долях малых

Открывает Божество...

Торжественны и тяжки эти великие минуты истории. Много веков будут завидовать дням нашим, а нам самим — так тяжело, так больно. Зачем исчез Он? Зачем уже не можем мы окружить Его нашей любовью и преклонением?

Затем, что награда Ему будет дана не нами, а Тем, Кто послал Его. А нам остается поучение, остаются великие заветы Его. В верности заветам Его должны мы искать выражения тех чувств любви и благодарности, которых уже не можем выразить ему Самому.

Примечания

Обе статьи составляют отдельный оттиск из сборника Моск. Вед. „Памяти Императора Александра III,“ Москва, 1894 г. изд. С. Петровского.